

ТАШ ЭНИКЛИС

TEREM

Таш Эниклис

Терем

«Автор»

2026

Эниклис Т.

Терем / Т. Эниклис — «Автор», 2026

— Здесь тихо... здесь тепло... Посреди леса стоит Терем. В печи горит огонь, на столе ждут хлеб и молоко. Здесь примут каждого, кому больше некуда идти, накормят, обогреют и помогут забыть самое страшное. Потاپий тоже хотел забыть. Разве мог он подумать, что однажды сам испугается исполнения своего желания? А всё-таки кто-кто в теремочке живёт? И помнит ли хоть кто-нибудь из них, кем был до того, как переступил порог?

© Эниклис Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Терем	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Таш Эниклис

Терем

От автора

Этот рассказ я написала для сборника, в котором мы с коллегами решили рассказать «Теремок» каждый по-своему. Знакомая с детства сказка, одни и те же герои — и полная свобода поселить их в любом жанре.

Мой Терем оказался в тёмном лесу. А его обитатели пришли туда с таким прошлым, о котором в детской сказке, конечно, не расскажут. Но я пишу страшные истории, и уже у порога мне захотелось спросить: отчего здесь так хорошо, что никто не хочет уходить?

Ну что, заглянем в Терем?

Таш Эниклис

Терем

Он брел через лес, а ветки цеплялись за одежду, скользили по плечам и тут же пропускали дальше. Под ногами мягко пружинил влажный мох. Воздух был тяжелым, сырым, пах прелыми листьями и гниющей древесиной. Он не помнил, откуда пришел, но знал, что где-то впереди ждет тепло, свет и место, где можно наконец лечь и перестать бороться. Где не придется больше ловить каждый вдох и терпеть боль, что давно стала частью его самого.

Как называется это место, он не знал. Как и то, кто там ждет. И все же Потапий был уверен — стоит сделать еще несколько шагов, и он окажется там, где не будет болеть. Эта уверенность и вела его вперед.

Вдруг теплое прикосновение скользнуло по лицу. Между темными стволами мелькнул желтый дрожащий огонек. Он остановился. Посреди леса стояла изба. Казалось, деревья выросли вокруг нее и укрыли от чужих глаз. От терема исходило едва заметное тепло. Потапий подошел к двери и осторожно толкнул. Та открылась легко, словно давно ждала именно его.

Внутри тепло забралось под мокрую одежду, согрело озябшие руки и медленно разлилось по всему телу. Только сейчас он понял, как сильно замерз. Печь горела ровным оранжевым светом. Поленья не потрескивали, дымом не пахло, но тепло было настоящим, и он постепенно перестал дрожать. На столе стояла миска с кашей. В середине поблескивало растаявшее масло. Рядом были еще теплый хлеб и кружка молока.

Потапий сел. Ел медленно, не разбирая вкуса. Тело само тянулось к еде. С каждым глотком становилось легче. Холод, что так долго жил внутри, понемногу отступал.

Закончив, он лег на лавку у печи и закрыл глаза. Неожиданно прозвучал тихий ласковый голос.

— Здесь тихо... здесь тепло...

Он раздавался сразу отовсюду.

— Здесь тихо, спокойно, тепло.

Здесь память ложится на дно

И горе забудет дорогу,

А боль не подступит к порогу.

Здесь мягкая лавка и сладок покой.

Здесь сны не тревожат, тоску упокой.

Здесь время не ищет уже никого.

Дом душу укроет. Здесь лад у всего.

Здесь хлеб не черствеет.

Вода не мутнеет.

Здесь ночь не страшит,

А сердце молчит.

Здесь тихо... здесь тепло...

Здесь тихо... здесь... тепло.

Первые дни Потапий почти все время спал. Просыпался, чтобы поесть, выходил ненадолго во двор, возвращался и снова ложился. Дом никуда его не торопил.

Через несколько дней он почувствовал, что сил стало больше и тогда впервые внимательно осмотрелся. В избе было тихо. Никто не гремел посудой, не скрипел половицами, не возился у печи. Он был один. И все же странное ощущение не покидало. Терем не казался пустым.

Иногда ему чудилось, будто стены едва слышно поскрипывали сами по себе, а половицы мягко пружинили под ногами, прислушиваясь к каждому шагу. Несколько раз Потапий ловил

себя на том, что невольно смотрит в темный угол, где казалось, что кто-то молча наблюдает за ним. Но это не пугало.

Поначалу он помнил все. Жену Настасью... Хранил в душе ее имя, ее тихий смех, едва заметные ямочки на щеках, сильные руки, ловко месившие тесто, и чарующий голос, когда произносила нежно: «Потап...» Помнил и дочь Марию совсем маленькой, худенькой, с мягкими светлыми волосами. Она крепко держалась за мизинец отца, боясь потеряться. А во время грозы забиралась к нему под руку и сидела тихо-тихо, пока за окном гремел гром. И главное, тот день, когда потерял их обоих разом.

Болезнь пришла незаметно. Обычный кашель сменился жаром, и с каждым днем становилось все хуже. В тот раз Потапий дольше обычного ходил по лесу. Собирал травы, копал корни, цеплялся за любую надежду. Наверное, искал не столько лекарство, сколько повод не смотреть, как они медленно уходят, а когда вернулся домой... было уже поздно.

Соседи сказали, что жена и дочь до последнего звали его. Но он опоздал. И после похорон ушел в лес. Просто брел вперед, пока дорога не перестала иметь значение.

В этом тереме след прошлого постепенно растворялся и горе, казалось, отпускало. Однажды он проснулся и вдруг понял, что не может вспомнить имя жены, как ни старался. Он еще удерживал в памяти ее улыбку, запах волос, тепло ладони, песни, которые та тихо напевала по вечерам... А имя словно пряталось.

Он думал, еще немного — и вспомнит. Имя вертелось где-то рядом, почти срывалось с губ... но исчезало в последний момент.

Несколько вечеров подряд Потап повторял в темноте все, что еще оставалось в памяти, надеясь, что имя вернется. Напрасно. А потом образ дочери в голове тоже стал расплываться, и лицо Марии постепенно забывалось. Черты стирались одна за другой. Остались только тонкие детские пальцы, крепко сжимавшие его руку, да ощущение, что рядом когда-то был человек, которого он любил больше собственной жизни.

Голос Настасьи тоже понемногу становился чужим. Потапий ловил себя на мысли, что уже не может сказать, был ли он высоким или тихим, звонким или хрипловатым, и вовсе оставил попытки вспомнить. На душе стало спокойно, но где-то на задворках памяти маячил маленький отголосок боли. Но понять, почему болит душа, он уже не мог.

— Настасья, — однажды тихо произнес он и сам вздрогнул.

Имя прозвучало легко, будто все это время было рядом. Настоящее. Живое. Только он уже забыл, чье оно, и еще долго сидел у печи, глядя на ровное пламя. Где-то у него была жена, была дочь. Он знал это так же точно, как свое имя, которое тоже уже начинал забывать. Но лица их исчезли. Он помнил, что они были, что умерли, что любил их больше жизни, и на этом все. Память словно выцвела.

Ночью Потап проснулся. В избе было холодно. Такого здесь при нем еще не случалось. Печь погасла. В топке лежали серые угли, давно потерявшие тепло. В темноте углы казались глубже обычного, а стены будто отступили дальше. Он приподнялся на лавке и услышал тот голос... голос Терема.

— Уже не больно и не страшно...

Поверь, не нужно вспоминать.

Кто рядом был, уже не важно.

Тоску назад не надо звать.

Уже не помнишь... значит, счастлив.

Душа не плачет. Значит, жив.

Значит, печаль уже угасла.

Покой нашел здесь... все забыв.

И в груди Потапа что-то дрогнуло. Теплая ладонь, тонкие пальцы, переплетенные с его, тихий женский голос.

— Я буду ждать...

Он зажмурился. Перед глазами по-прежнему клубилась темнота. Он не мог пока вспомнить лицо и назвать имя, но теперь знал наверняка: это воспоминание настоящее и его нельзя потерять.

Потاپий резко поднялся, подошел к двери и толкнул. Та даже не шелохнулась. Он стукнул кулаком. Дерево глухо отозвалось, но выдержало. Тогда он ударил сильнее, колотил снова и снова, пока не почувствовал, как внутри начинает подниматься то, что Терем столько времени усыплял.

Боль медленно возвращалась... вместе с памятью. И вспомнилось самое главное. Он намеренно ушел тогда, оставив жену с дочерью одних. Когда те умирали, его не было рядом. Он не держал их за руки и не слышал последних слов... потому что не мог видеть, как болезнь забирает тех, кого он так сильно любил. И вернулся уже в молчащий дом.

Потап снова с силой ударил в дверь. Костяшки саднило, кожа лопнула, но он почти не чувствовал боли. И тогда изменился сам Терем. Стены едва заметно дрогнули, а под ногами мягко качнулся пол, будто изба вздохнула. Голос прозвучал вновь совсем рядом.

— Останься...

И ласково добавил:

— Здесь тепло. Здесь боле... не больно.

Но Потاپий не ответил, а отступил на шаг, разбежался и врезался плечом. Что-то громко треснуло. Он даже не сразу понял, что это было. Точно через весь Терем прошла трещина, и дверь распахнулась. Он вылетел наружу, кубарем скатился в снег и несколько секунд просто лежал, жадно хватая ртом ледяной воздух.

Терем стоял на прежнем месте. В окнах горел теплый свет. Из трубы спокойно тянулся дым. Со стороны он казался таким же уютным, как прежде. Если бы Потап не узнал правды, то без колебаний вошел бы снова. Теперь же понимал — это не дом, а... клетка.

Он долго стоял посреди леса. Снег таял на лице. Ветер трепал волосы. Но теперь все возвращалось. Он наконец увидел улыбку Настасьи, руки, перепачканные мукой, слышал нежный голос. Маленькая ладошка Марии вновь крепко ухватила его палец. Он вспомнил, как она смеялась, как пряталась от грозы. А он... он убежал от своей боли, но вместе с ней потерял и тех, ради кого жил.

Ноги подкосились, и он опустился прямо в снег.

— Простите... простите меня.

Где-то глубоко внутри опять прозвучал знакомый шепот, но уже совсем не дружелюбный.

— Ты помнишь...

Потاپий медленно поднял голову. Перед ним все так же стоял Терем. Теплый. Тихий. Манящий. Он долго смотрел на него, а потом повернулся и пошел прочь. Но знал, что обязательно вернется.

Зимний лес не прощает слабости и принимает только тех, кто готов отдать все, ничего не предлагая взамен. Марфа знала это и шла сюда, чтобы именно отдать.

Снег хрустел под ногами, но она не слышала ничего, кроме своего хриплого, рваного дыхания, как у зверя, загнанного в угол. Воздух резал горло, мороз обжигал легкие, но она уже не чувствовала холода, потому что тот был внутри задолго до того, как Марфа вошла в этот лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.